
Научная статья

УДК 82–14

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-110-121

**НАУЧНО-КРИТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЭПИЧЕСКОГО
И РОМАННОГО МЫШЛЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ АДЫГСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
(штрихи к методологии)**

**Юрий Мухаметович Тхагазитов¹, Хамиша Тарканович Тимижев²,
Раузат Абдуллаховна Керимова³**

^{1,3} Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия

² Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

¹ yutkhag@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5566-9156>

² timizhev.ha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6776-8004>

³ K.roza07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1964-4511>

© Ю.М. Тхагазитов, Х.Т. Тимижев, Р.А. Керимова, 2025

Аннотация. В статье предлагается концепция целостного осмысления феномена социокультурной системы литературы адыгского зарубежья, представляющей собой схему выживания этнонациональной духовности в условиях противоречивой для всех адыгов современной глобализации-западнизации. Авторы статьи акцентируют особое внимание на специфике формирования политики устойчивого развития литературы адыгского зарубежья в контексте общеадыгского (общероссийского) историко-культурного процесса. Актуальность статьи определяется диалектикой соотношения этнических и общечеловеческих уровней структурирования жанрово-видовых особенностей в становлении и развитии эпического мышления в литературе адыгского зарубежья: эпически-циклического, эсхатологического, социально-политического. В рамках системно-целостного (социетального) анализа авторы статьи выявляют роль и функции генетических и контактных связей литературы адыгского зарубежья в формировании жанра романа в 50–70 годы прошлого века. При самых трагических перипетиях адыгской истории (Кавказская война) целостный анализ культурно-антропологического подхода (религия, политика, культура, экономика) как антиэнтропийного механизма остается непреходящая общеадыгская художественная картина мира.

Таким образом, обозначенная в статье проблематика органического единства «своего» и «чужого» в художественном сознании адыгского зарубежья преломляется в общечеловеческом (мировом) духовном пространстве и остается условием самосохранения этноса.

Ключевые слова: кабардинский роман, литературные традиции, поэтика, эпос, адыгское зарубежье

Для цитирования: Тхагазитов Ю.М., Тимижев Х.Т., Керимова Р.А. Научно-критическая интерпретация эпического и романного мышления в литературе адыгского зарубежья (штрихи к методологии) // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-2 (67). С. 110–121. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-110-121

Original article

SCIENTIFIC-CRITICAL INTERPRETATION OF EPIC AND NOVELTIES
IN THE LITERATURE OF THE ADYGHE DIASPORA (methodological touches)

Yuri M. Tkhaqazitov¹, Hamisha T. Timizhev², Rauzat A. Kerimova³

^{1,3} Institute of Humanitarian Researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» Nalchik, Russia

² Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov, Nalchik, Russia

¹ yutkhag@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5566-9156>

² timizhev.ha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6776-8004>

³ K.roza07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1964-4511>

© Yu.M. Tkhaqazitov, Timizhev H.T., Kerimova R.A. 2025

Abstract. The article proposes a holistic approach to understanding the sociocultural system of Adyghe literature, representing a framework for the survival of ethnonational spirituality in the context of contemporary globalization and Westernization, which is contradictory for all Adyghe.

The authors of the article place particular emphasis on the specifics of formulating a policy for the sustainable development of Adyghe literature in the context of a pan-Adyghe (all-Russian) historical and cultural process.

The particular relevance of the article is determined by the dialectic relationship between ethnic and universal levels of structuring genre-specific features in the formation and development of epic thinking in the literature of the Adyghe Diaspora: epic-cyclical, eschatological, and socio-political. Within the framework of a systemic and holistic (societal) analysis, the authors of this article identify the role and functions of genetic and contact ties in the literature of the Adyghe diaspora in the formation of the novel genre from the 1950s to the 1970s.

Amidst the most tragic upheavals of Adyghe history (the Caucasian War), a holistic analysis of the cultural-anthropological approach (religion, politics, culture, economics) as an anti-entropic mechanism remains an enduring pan-Adyghe artistic worldview.

Thus, the problematic of the organic unity of “ours” and “others” in the artistic consciousness of the Adyghe diaspora, outlined in the article, is refracted within a universal (global) spiritual space and remains a condition for the self-preservation of the ethnic group.

Keywords: Kabardian novel, literary traditions, poetics, epic, Adyghe diaspora

For citation: Tkhaqazitov Yu.M., Timizhev H.T., Kerimova R.A. Scientific-critical interpretation of epic and novelties in the literature of the Adyghe diaspora (methodological touches). Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-2 (67): 110–121. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-110-121

Демократические тенденции, активизировавшиеся после Второй мировой войны в значительной мере стимулировали зарождение и развитие эпических жанров в современной литературе в целом, в т.ч. и литературе адыгского зарубежья. Именно в этот период страны компактного проживания адыгов – Сирия, Иордания, Ирак, Ливан – начали преодолевать зависимость имперских оснований и переходить к постижению идей национального самоопределения и этнического самосознания [Ганиев 2000].

Следует отметить, к примеру, что эволюционные процессы в турецкой и арабской культурах в то время происходили разными путями. В литературе арабских стран, недавно получивших независимость, главенствующую роль заняла тема национально-освободительной борьбы. Для Турции этот этап как бы был уже пройден, и она уверенно вступала в новую веху своего развития. Представители же адыгского народа, долгое время находившегося в состоянии бесправия в Турции, оказались не готовы к грандиозным мировым переменам середины XX столетия [Бигуаа 2000].

И в этой ситуации само время напомнило адыгской интеллигенции о вековых духовных ценностях, которые непременно нужно сохранять, как идентификационные

маркеры. И в этом смысле трудно переоценить значение художественных произведений таких авторов, как И. Айдамир, О. Озбай, Ш. Куба, Г. Эргин, М. Кумук, Н. Хост, Б. Бленао, О. Челик, М. Уйсал, в произведениях которых наиболее зримо отражены перемены в миропонимании и самосознании адыгов второй половины минувшего века.

При этом, важно подчеркнуть, что страны «исламского мира» разнятся и по ориентации культурного, политического и экономического развития. При различии, сути предназначения культуры в «исламском мире» две тенденции у них остаются главенствующими: влияние Запада – и незыблемые основы шариата. Так, Турция и Египет избрали путь ассимиляции национальных традиций с веяниями нового времени, а религиозные ценности преобладают в Иране, Афганистане и многих странах арабского мира. Функционирование этих двух тенденций после Второй мировой войны послужило в Турции, Сирии, Египте толчком приходу к власти партий и военных сил, исповедующих идеи национального и религиозного превосходства в общественной жизни. Как следствие – весьма неоднородное, «пестрое» состояние культур стран Ближнего Востока [Ганиев 2000].

Некоторые арабские и турецкие писатели предпочитали западные ценности, усиленно продвигая идеи «искусство ради искусства», как путь к зарождению новой духовности. Другие призывали силами феодально-мусульманской культуры бороться с коллективным Западом, стремящимся к захвату нефтяных отраслей. Оставшиеся на основе идей исламского фундаментализма Шафик Джабри, Халил Марданбей, Салим аль-Джунди и другие не признавали последователей соцреализма, призывающих революционным путем установить мировую справедливость.

В первое послевоенное десятилетие в арабской и турецкой литературе начали появляться произведения, явившиеся результатом влияния экзистенциализма, набравшего силу в западной культуре (Сартр, Камю). Однако другая плеяда писателей, придерживающихся демократических принципов (Решард Нури, Назым Хикмет, Халиде Эдип, Четин Онер, Надим Мухамед, Сулейман Иса, Насух Фахри, Шауки Багдади и др.), противостояла веяниям прозападного модернизма.

Некоторые турецкие, арабские, адыгские авторы конца XX века все еще оставались во власти надежд на лучшее будущее, которое должно наступить после победы национально-освободительного движения. Их произведения (среди них наши соотечественники Кумук Мамдух, Надия Хост, Отар Самий, Омар (Апшаца) Захра, Осман Челик и др.) отличались оптимистическими сюжетами, в которых проблемы общечеловеческого характера сводятся к бытийным основам [Султанов 2000].

Большая группа писателей (наши соотечественники Муса Уйсал, Оздемир Озбай, Четин Онер, Мухаддин Кандур, Самир Хараток, Рафик Тхагазит, Фоузий Тхазепл и др.), справедливо отмечала, что демократические преобразования далеко еще не завершены. Они объективно оценивают состояние современного общества, понимают, что реформы 60–80-х годов прошлого века не привнесли желаемого результата в жизни народа, и потому их герои открыто выражают свою готовность к новой борьбе за независимость.

В этом противоречивом социокультурном пространстве художественного мира литература адыгского зарубежья все же оказалась способной вернуться к общей и неминуемой задаче – сохранение родного языка, *адыгэ хабзэ*, истории, богатейшего фольклора.

Между тем литература потомков адыгских мухаджиров второй половины XX столетия в сравнении с литературой турецкой и арабской имела немало причин для ухода в тень пессимизма. Что касается Турции, ее неоднократно ввергали в конфликты социально-экономического характера различные партии и национальные движения, не имеющие твердой политической платформы. Из-за их бесконечного противостояния в 60–80-е годы власть в стране трижды переходила к военной верхушке, что тормозило демократические преобразования:

закрывались газеты и журналы, распускались партии и профсоюзы, борющиеся за социальную справедливость, а лидеры их подвергались гонениям. Как во времена кемалистов сводилась на нет работа национальных культурных центров, адыгская хаса могла собираться лишь в условиях строгой секретности. Так продолжалось до 1983 года, пока в Турции не появился указ «О политических партиях и национальном движении» [Гагин 2002]. В те годы новый толчок к развитию современной литературы адыгского зарубежья дали писатели и публицисты, борцы за права малочисленных народов (М. Уйсал, И. Айдемир, О. Челик, О. Озбай, Ч. Онер, Н. Машхоф, Н. Инамуко, Д. Кушха, Я. Баг, Н. Едыдж, Ф. Фахри, С. Барзадж, Н. Барзадж и другие). В художественную основу их произведений легли реальные события, очевидцами которых были сами авторы.

Сложнее приходилось в тот период адыгской диаспоре в странах арабского мира. Трижды (1948, 1956, 1967) вспыхивали арабо-еврейские конфликты, приводившие к тяжелейшим последствиям в экономике и жизни молодых государств, едва ощутивших независимость [Султанов 2002].

Столкновения группировок с разными политическими интересами порождали неимоверные трудности, что сказывалось на положении адыгов. В 1938, 1958, 1967-м годах наши соотечественники предпринимали попытки вернуться на Северный Кавказ. Из числа адыгов, вынужденно покинувших Голанские высоты из-за арабо-еврейской войны, 3000 человек подали документы на возвращение на историческую родину. Однако в посольстве СССР в Сирии им ответили, что «СССР не готов принять черкесов обратно» [Надъярных 1996].

Адыги никогда не находили поддержки со стороны политических сил в странах проживания диаспор. Тех, кто осмеливался перешагнуть рубеж культуры, целенаправленно устранили. В конце концов, как писал Мамдух Кумук, «тот клочок земли, что отцы наши пытались оставить нам (букв. «чтобы было куда поставить ноги»), занялся пламенем, и лучшие наши парни сложили головы...» [Кумук 1997: 90]. Страшнее огня было то, что в адыгов вселилось чувство страха. Бессилие, неурядицы в делах, утрата привычного образа жизни, разрушение сельского уклада, крушение надежд, избравших городскую жизнь, - все это стало темой художественных произведений того периода. Неудивительно, что произведения адыгских авторов полны печали, и многое в них остается недосказанным в силу понятных причин.

Писатели адыгского зарубежья нескоро сумели вырваться из плена пессимистических настроений, привнесенных в литературу в 50-е годы, прежде всего, поэтом Эргином Гунджером (Турция), автором афоризма «Адыгов состарило время». Лишь к 60–80-м годам прошлого века новая плеяда писателей под влиянием старших собратьев по перу (Ш. Куба, Н. Хост, Х. Каледах) нашла в себе силы и талант обратиться к объективному отображению социальных и политических коллизий.

В 50–70-е годы прошлого столетия капиталистические устои все заметнее проникали в отдаленные адыгские поселения. Первой приметой стали новые дороги. «Будто вчера из Дамаска в село добирались верхом – и это был целый день пути. А теперь садишься в скорую эту телегу – и ты уже дома», – рассуждает дед Хажрат из рассказа Мамдуха Кумука «Новый путь» [Кумук 1997: 78].

Новые дороги, конечно же, привнесли облегчение в жизнь сельчан, но и уничтожили многие жизненные устои адыгов: молодежи неинтересно стало трудиться на земле, у стариков сил на то не оставалось, и земля пришла в запустение, стали забываться извечные духовные ценности (О. Челик. Романы «Юнус Эмре», «Джабаги Казаноко»; Ч. Онер. Роман «Высечено на скалах»; Омер З. «Гибель Сосруко» и др.).

Следует отметить, что в творческом своеобразии адыгской литературы того времени, как и арабской, сосуществовало несколько направлений: реализм, лирика,

романтизм, имевшие свои ответвления. В обозначенные годы также активно развивалась художественная документалистика, сатира и юмор, но что особенно важно, стала набирать популярность форма большой прозы – эпопея и роман. Темой романов стали события Кавказской войны и ее последствия, до того мало затрагиваемые в адыгейской, кабардинской, черкесской литературе.

До Октябрьской революции эта тема чаще освещалась в публицистических трудах прогрессивных авторов – Н. Цагова, К. Ахматуко, А. Кешева, Х. Хундж, С. Нагучева и др. Из числа адыгских писателей эмиграции первым обратился к этому вопросу Ахмед Мидхат (романы «Кавказ», «Хусейн Феллах», «Грузинская дева», драма «Адыгские урки»). Позже о великой трагедии адыгов писали и другие авторы из числа наших соотечественников за рубежом: Омер Сейфеддин (рассказ «Пояс»), Расим Рушди (повесть «Жан», роман «Султан Абдул-Хамид»), Осман Челик (роман «Кавказ»), Четин Онер (роман «Высечено на скалах»), Уйсал Муса (роман «Три всадника»), Айдемир Иззат (роман «Гёнар»), Мухадин Кандур (романы «Кавказ», «Черкесы. Балканская история»).

К авторам, которые блестяще справились с этой высокой задачей, мы прежде всего считаем должным причислить Захру Апшаца (Омар) (1938–2000). Родилась она в столице Иордании Аммане. Много лет работала журналистом в различных информационных агентствах. Жизнь адыгской писательницы, всеми силами стремившейся быть полезной своему народу, к сожалению, оказалась короткой. З. Апшаца – автор двух романов: «Гибель Сосруко» и «Сосруко в тумане», а также ряда рассказов на арабском языке.

События в романах Захры Апшаца разворачиваются у кавказского побережья Черного моря, в Иордании, Турции. Следует подчеркнуть сюжетно-композиционную особенность диалогии, в которой зачастую страницы истории ускользают и теряются в тумане времен. По признанию самой писательницы это по той причине, что она мало владела достоверной информацией об исторической правде, неоднократно утверждала, что в момент крушения миропорядка (*имеется в виду социалистическая система*) она остановилась и задумалась, и начала искать свои корни. Итак, она обратилась к устному народному творчеству, растворилась в тумане времен.

В основе сюжета – воспоминания старой женщины Мысырхан, прикованной к постели и разговаривающей с давно ушедшими в мир иной родственниками, пугая тем самым, сидящих у смертного одра детей и внуков. Но в какой-то момент у больной проясняется сознание, и она четко излагает события тех давних лет. Именно из разговора Мысырхан, еще ребенком попавшей в число изгнанников, и ее отца *Бабэжь* (Бекмурза Гиндоко) читатель узнает, какое насилие творилось над нашим народом. С этой печальной истории и начинается произведение.

Вторжение царского войска, схожее с адским пламенем в день страшного суда, исторгшее адыгов с их исконных земель, и скорбный путь изгнания – вот кульминация романа. Среди беженцев – родня Гиндоко, едва спасшаяся от наползающей, подобной гигантской черепахе, вражеской рати. Нестерпимо больно было покидать родную землю, невыносимо страшен был тот день. З. Апшаца сравнивает это состояние с чувством адыга, бросающего своего коня. Ни слезинки не проронил Гиндоко в тот день, когда на своих руках занес во двор окровавленное тело сына Темира, сраженного вражеской пулей. Адыг не может сдержать слез в двух случаях: когда он вынужден убить свою лошадь, чтобы не оставить врагу, и покинуть свою родину.

Ради «утраченной чести» адыгские мухаджирьы не раз потом хватались за рукоять кинжала. Ступить на турецкую твердь довелось лишь немногим, выжившим после тягот пути, страшного мора и голода. Мать Мысырхан, ее братик Ельдар, дядя Осман – все они остались в «утробе моря». Земля турецкая не оказалась к ним милосердна. В Аммане, где нашли прибежище первые изгнанники, прибились Гиндоко с маленькой дочерью.

За недостаточностью исторических сведений писательница обратилась к устному народному творчеству, надеясь в них услышать об истинной причине «бегства адыгов с исконной земли».

Прекрасную землю адыгов автор сравнивает с «волшебным золотым деревом нартов», с несравненной Мигаза (Мыгъэзэи), отдававшей плодов с того дерева:

Двух нартов она родила,
Одного нарекли Озермес,
Второго назвали Имыс,
Оба лицами были схожи,
Словно звезды на ясном небе [Апшаца 2004: 54].

Два крыла – это символ единства двух адыгских ветвей – кабардинцев и адыгейцев, которая прочитывается в романе о нартах. Сосруко вернул нартам огонь, похищенный иныжем, и просо, украденное иныжем у Тхагаледжа, вернул в качестве серпа месяц (сравним со схожей темой в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголя). Сосруко увел своего отца из хасы нартов, где ему уготована была чаша с ядом. А причиной гибели Сосруко – по большому счету трагедии народа – могли быть непомерная гордость, чувство зависти, заложенные в самом народе.

Таким образом, в поисках истины З. Апшаца пытается исследовать суть образного мышления адыгов в «тумане воображаемого мира», в конце концов их ослабевший дух не может противиться реальным невзгодам, что актуализирует поиски формы и содержания эпического и романного мышления, увидеть судьбу народную в тумане социологического романтизма, объединяющего в традицию и утопию в восприятии «светлого будущего». Таков удивительный художественный мир адыгской писательницы Захры Апшаца – есть судьба своего народа с его вечными поисками выхода из этого замкнутого круга.

По стопам Захры Апшаца, вобравшей в своем творчестве и художественный опыт идеи символизма, пошел и другой адыгский писатель Четин Онер (Гогутль). Родился он в поселении Бинбогалар (Турция) в 1943 году. Окончил академию экономики и торговли в Анкаре, был профсоюзным деятелем, работал в государственном комитете по телевидению и радиовещанию заместителем генерального секретаря. Он работал в театре: актер, режиссер, писатель.

В литературу Четин вошел своими детскими рассказами и повестями: «Гюлибик», «Билиз несет весну», «Кто видел птицу счастья?», «И вороны не были черны» и др. Повесть «Гюлибик» переведена на несколько иностранных языков. Снятый по его сюжету фильм был признан лучшим на Берлинском кинофестивале в 1984 году.

Детские произведения нашего соотечественника наполнены добром, светом, красивой мечтой. В основу их легли его детские воспоминания, события, происходившие в 40–60-е годы в его родном селе Бинбого. Художественное воспроизведение религиозно-этических ценностей и образа жизни адыгов получили хорошие отзывы литературных критиков.

Четин Онер первым из адыгских писателей сделал заметный шаг к преодолению периода депрессии. Свидетельством тому – его исторический роман «Высечено на скалах». Четин Онер не идет по пути авторов, пытавшихся нивелировать острые моменты истории, он устремлен к исторической правде. Именно это придает его произведениям реалистичность в изображении событий далекого прошлого.

Роман «Высечено на скалах» посвящен событиям Кавказской войны, и исходу адыгов в Турцию. В нем подробно описываются страдания мухаджиров, обосновавшихся в Узун-Яйле (провинция в Турции) и из одной войны попавших в новые многочисленные войны между курдами и турками, турками и армянами. Четин Онер, как и его предшественники, пытается анализировать причины нескончаемых

бедствий адыгского народа. Таким образом, автор по-своему разделяет судьбу тех, кто «растворил судьбу народа в тумане времен».

Кстати, этим символом истории адыгов начинается роман Четина: «В густом тумане скачет на коне адыг. Он верхом пересекает долины, пустыни, горы. На нем то форма арабского воина, то турецкое, русское, грузинское и иное национальное одеяние» [Онер 1984: 34]. Данный посыл вполне прозрачен: он о том, что адыги из века в век сражались за интересы других народов, позабыв о себе, помогали другим создавать государственность. Исторически это отложилось в истории Турции, Египта, Иордании, Сирии, России.

Писатель справедливо считает внешнеполитическую ориентацию адыгов главной причиной «великой национальной трагедии». Но война многому научила адыгов. Теперь они «не пляшут под чужие песни», уже зная их смысл и цели. Нет у них больше доверия миссионерам, призывающим воевать «кто во имя бога, кто во имя царя».

Четин Онер первым обозначил в художественной литературе идею о том, что Кавказская война была не только следствием конфликта между русским царем и национальными лидерами Кавказа. В романе явственно говорится о заинтересованности западных стран в этой войне. Принимая исламизацию, как основу единства адыгов, писатель одобряет убеждения других авторов о том, что весь мусульманский мир был целиком на стороне адыгов. Автор не приемлет политику западных государств в отношении кавказских народов, сделавшую мишенью вольнолюбивый народ, противопоставив его армии, многократно превосходящей его по силе и численности, а потому заведомо проигрышную для адыгов.

Адыгская лошадь в романе – символ свободы и надежды. Прозрачно обозначается автором мысль, что: пока жива адыгская лошадь, жива и надежда у народа. Эту мысль мы видим в образе Нафо: «Адыги произошли от лошади, – говорит она внуку. – И ты вырастешь и станешь горячим конем» [Онер 1984: 25]. Нафо грезит о том дне, когда он будет гарцевать перед Наной верхом на горячем адыгском скакуне.

Дада Дамыш упорно стремился к тому, чтобы адыги пустили корни на новой земле, но «почва оказалась каменистой, и ростки не прижились». Он долго стремился удержать возле себя своего вороного Карапца. Но и это ему не удалось, трудности и нищета подточили его силы. И до глубокой старости пытался он вернуть утраченного скакуна – свою свободу. В охоте за «елкызты» (свободная, дикая лошадь) и принял он свою смерть в горах. Есть много схожего в образах дады Дамыша и Бекана из романа Алима Кешокова «Сломанная подкова». Оба они являются собой пример стремления к высшей ценности – свободе и заставляют задуматься о реальном, а не эфемерном «светлом» будущем народа.

Писатель понимает, что на чужой земле твои корни не прорастут. Никогда адыг не обретет там желанной свободы. Вынужденные бежать от насилия адыги пережили всё – и трагедию переселения на чужбину, и горе потерь родных в пути, и войны – Турции с русскими, с армянами, с Антантой. Все они вынесли, но не могут вынести жизни без свободы. Надо вернуть ее, приблизить, но в новое для этноса у старца нет сил и времени. Потому уходит он в горы с арканом в руках. Автор прописал этому герою судьбу «светлого прошлого» достойную песни и легенды. Но со смертью старика не оканчивается его история.

Среди писателей особых сторонников диалога культур в человеческом сообществе, уместно будет назвать Османа Челика (Осман Хакуратэ, 1934–2003). Он писал на турецком языке. Его перу, одного из видных авторов адыгского зарубежья, принадлежат сборник рассказов «Нарты» (1976), пьеса «Джабаги Казанок» (1985), исторические романы «Юнус Эмре» (1994), «Кавказ» (трилогия: «Гёнар», «Поколение воинов», «Изгнанные» 1994), а также ряд научно-исследовательских работ.

Сюжеты у Челика преисполнены любовью к своему народу и земле отцов. Эта особенность явственно актуализируется в гиперболизации образов. Край, где

обитают потомки нартов, это рай на земле, а живущий здесь народ возвышает и украшает свою родину. Мужчины рослые и могучие, женщинам нет равных по красоте, потомство достойное и здоровое.

Автор увлеченно и в подробностях рассказывает о полноте бытия народа в том сказочном краю. Он сам мечтает о такой родине и о такой жизни, этим он зажигает читателя мечтой об идеальном обществе, живущем по законам добра и управляемом мудрым тамадой. А конфликты, если и возникают, разрешаются мирным путем согласно закону. Правда, есть в той стране и князья, и тлякотлеши (среднее дворянство), и унауты (слуги), однако никто никого не принижает из-за низкого происхождения. Князь обращается к прислуживающим в его доме девушкам не иначе как «дочки мои». Одним словом, писатель рисует идеальный мир «далекого прошлого».

Много лет посвятивший собиранию и изучению фольклора, О. Челик индивидуализирует поэтику устного народного творчества. В рассказах из сборника «Нарты» индивидуализированы *пиинатли* (сюжеты героических песен), старинные сказания, а также фольклорная форма повествования. В подобном ключе написан и роман «Джабаги Казанок», созданный не без влияния «Горцев» Аскерби Шортанова.

В самых разных по жанру произведениях О. Челик наделяет своих героев способностью верить в чудо, которое случается лишь по воле Всевышнего. Эта тема часто встречается также у поэтов адыгского зарубежья (М. Инамуко, Н. Хунагу, Р. Тхагазит, Я. Баг и др.).

Частая смена власти в Турции порождала и новые трудности для представителей малых народов, и им оставалось лишь надеяться, что власть предрежащие когда-нибудь обратят внимание на их нужды и чаяния.

Один из тех, кто всеми силами старался вывести адыгскую литературу из устоявшегося «тумана романтизма» и закреплявший в литературе духовные ценности реального осмысления-переосмысления, был именно Муса Уйсал.

Роман Уйсала «Три всадника» посвящен теме Кавказской войны и отличается от произведений других соплеменников тем, что он ближе к жанру документалистики. В самом начале автор сообщает, что его роман – не художественный вымысел, он создан на реальном историческом материале. О событиях, описанных в книге время от времени в художественный текст вклиниваются достоверные документы, которые свидетельствуют о коварном сговоре Англии, Франции и России в отношении Кавказа, Балкан и Турции.

В основе сюжета – злоключения семьи Чинтов, изгнанных с берегов Кубани и пустившихся в путь «на Истамбул». Думавшие добраться до Турции сухопутным путем жители абазехского аула смогли достичь только южной оконечности нынешней Болгарии. Но и здесь им не дано было надолго задержаться. Они пустились вслед за турками, отступающими под натиском русских войск. Но самое ужасное и необъяснимое было в том, что бежавшие из родных краев люди в количестве двух сотен человек сами разделились на два лагеря. Одни считали – надо договариваться с русскими, чтобы они разрешили им вернуться на Кавказ. Другие, напротив, все еще хотели искать заступничества у турок.

Кончилось тем, что две группировки пошли друг на друга с оружием. Случилось это на подступах к Стамбулу. Разгорелась настоящая война, так что туркам пришлось выслать своих военных для усмирения разбушевавшихся адыгов. Это место в окрестностях турецкой столицы связано с черной страницей в нашей истории и до сих пор именуется турками «Черкесской долиной».

Писатель срыгает завесу тайны с трагических событий, о которых живущие на исторической родине мало что знали. Роман «Три всадника» – это позиция писателя против тех, кто мог остановить заблудившийся в настоящем народ, но не сделал этого.

Мулид Инамуко писал, что среди писателей адыгского зарубежья нет равных М. Урсалу, чей слог напоминает священную суру. «Пожалуй, среди писателей

адыгского зарубежья нет равных М. Уйсалу по силе трепетного отношения к соплеменникам. Каждая его строчка наполнена состраданием и любовью к своему народу. Язык его настолько богат и красив, что напоминает священную суру – читаешь и не можешь начитаться» [Культурная диаспора... 1993: 35].

Другим заметным писателем адыгского зарубежья, тяготевшим к реалистическому воспроизведению действительности является Мухадин Кандур (1940–2025) – потомок адыгского рода, в самом начале XX столетия покинувшего Малую Кабарду и переселившегося на «землю ислама». Он получил образование в США. Окончил колледж Ирлхэм, затем Клермонтский университет (штат Калифорния). Получил степень доктора философии. Он автор романов «Заговор в небе», «Разлом», трилогии «Кавказ», «Черкесы. Балканская история», «Революция», а также поэтических сборников и научных статей мемуарного характера.

Кандур вырос в обеспеченной семье видного военного деятеля. Однако личное благополучие не помешало будущему писателю рано задуматься о смысле жизни и о тех причинах, которые вынудили его соотечественников сняться с родной земли и пуститься в непредсказуемый путь на чужбину. В его ранних произведениях, особенно в стихах, заметно, что автор задается сложными вопросами общечеловеческих ценностей в области мировой культуры и истории. Особое отношение к окружающему миру и пристрастие к углубленному изучению причин межнациональных конфликтов вылилось в создание эпических полотен – трилогия «Кавказ», роман «Черкесы. Балканская история», большое художественное произведение «Революция», в основу которого легли национально-освободительные войны в арабском мире с активным участием представителей адыгских диаспор.

В 1994 году трилогия «Кавказ» вышла на английском и русском языках (вскоре увидела свет и кабардинская версия в переводе Хамида Кармокова). Роман-эпопея посвящен прошлому, настоящему, будущему адыгского народа. «Автор исторических трудов много лет работал в архивах в поисках причин современных конфликтов» [Газета Труд 1993].

В трилогии Кавказ параллельно эволюционируют две сюжетные линии – история Кавказа и жизнеописание его рода (Кандуров). В повествовании, охватывающем несколько поколений, естественным образом сменяются герои на смену персонажам «Чеченские сабли» – Суворову, Якоби, Булгакову –приходят «Казбек с Кавказа», в романе «Заговор» уже фигурируют Ермолов, Вельяминов, Барятинский, Паскевич, другие полководцы-завоеватели. В исторической линии произведения упоминаются и иностранные деятели: Ю. Клапрот. Д. Эркварт, Дж. Белл, Дж. Лонгворт, Хусейн-паша, представители горских племен – шейх Мансур, Шамиль, М. Кундухов и другие.

Почерпнутые из исторических документов сведения нужны автору лишь с одной целью: ему важно продемонстрировать читателю всю катастрофичность войны, ломающей мир и веру человека. Живущая в вечном страхе Нурсан (жена Казбека) боится рожать детей, несмотря на недовольство супруга и свекра со свекровью.

По сути, это апогей большой трагедии: женщина, страшится исполнить самое высокое свое предназначение – воспроизводство человечества.

Обе сюжетные линии, проходящие сквозь все произведение, время от времени пересекаются. В окраинном селе Малой Кабарды – Хапшее – до людей доносится весть о том, что в Петербурге, Истамбуле, Лондоне за спиной адыгов решается их судьба.

Западные державы, не удовлетворенные разделом чужих территорий, находились в состоянии всеобщего конфликта. Османская империя, почти пять столетий удерживавшая под своей властью огромные территории и десятки народов, была ослаблена бесконечными войнами и национально-освободительными движениями. Потому Англия, Франция, Австро-Венгрия и Россия вознамерились поделить ее владения между собой. Между самими сообщниками не было согласия и тем более доверия. Ссылаясь на исторические документы и биографические

сведения, автор раскрывает тайные замыслы европейских политиков. Они не хотели уступить России Крым, Балканы, Константинополь и позволить ей закрыть ворота в Черное море. Из всех приглянувшихся земель они готовы были отдать России только Кавказ, после того, как стравят русскую армию с живущими там горскими племенами и этим истощат ее силы. В жанре, близком к политическому детективу, писатель раскрывает коварные планы лидеров западных стран.

Россию такой делёж не устроил. После разгрома Наполеона она считала себя достойной всяческих привилегий. Кавказ она и так считала своим без всяких условий. Европейские державы умело использовали нрав строптивых вольных горцев, не привыкших подчиняться никаким властям и ничьей воле. Такова идейная основа самой популярной эпопеи М. Кандура.

Политика Царской России в отношении горских народов была вполне определенной: «Горцы – это азиаты, – говорит Ермолов. – Они понимают только язык силы. И мы принудим их сдаться. Такова моя политика. И действовать будем мечом и огнем. Запылают их аулы, если окажут сопротивление. Другого языка они не понимают» [Записки 1991]. Сам того не осознавая, этот доблестный герой Бородинского сражения с солдатской прямоотой играл на руку западным политикам, ненавидевшим Россию.

Даже у бесстрашного Казбека, как подчеркивает М. Кандур, война выбила почву из-под ног: «Острой болью пронзило все его существо, болью, доселе не испытанной им...» [Надьярных 1996: 87]. Холодная рука войны разрушила мир Казбека. Единственный сын пал от руки казаков, мать не пережила этого горя. Для его отца Ахмата жизнь обесценилась. Лучшего друга с женой и ребенком убили, аул сожгли дотла. Еще вчера друг с нежностью, тайком от чужих взоров, играл с маленькой дочкой... Казбек, вооружившись, идет мстить за кровь близких.

Но произведение все же заканчивается символической картиной мира – строительством моста через Терек от аула Хапца к казачьей станице. Но еще одно тревожит Кандура, и он озвучивает это устами своего героя. Нахо в сомнениях, он видит, что на смену пушкам и ружьям приходят перо и бумага. Теперь одно из двух: забыть свою веру и обычаи и раствориться среди пришлого народа – или покинуть свои земли и пуститься в бег. А может, это всего лишь кажется герою? Как и самому Кандуру, рожденному и выросшему в Иордании? Придется сделать трудный выбор: остаться на родине или покинуть ее. Ответа он не находит, вопрос так и остается открытым.

Стиль Кандура лаконичен, лишен излишней описательности, эпитетов, метафор и сравнений. При этом каждое предложение писателя несет свою смысловую нагрузку, полноценную информацию.

Романы Мухадина Кандура – весомый вклад в адыгскую литературу. Писателю удалось разобраться в причинах трагедии своего народа, описать ее и рассказать об этом всему миру. «Нельзя допустить, чтобы иные проходили мимо трагедии моего народа, ничего не зная о той беде, что подкосила его на путях истории», – пишет Кандур [Кандур 2001: 98]. Он считает – прошлое уже не вернуть, и творившие насилие расплатились за него сполна. Теперь нужно беречь то, что осталось, не раствориться в среде многочисленных народов».

Газета «Труд» писала: «Не было случая, чтобы Кандур озвучил превосходство одного народа над другим. Его произведения наполнены любовью к родине, к соотечественникам» [Газета Труд 1993: 3]. Писатель всегда жил одной мечтой: для сегодняшних потомков этноса, обладавшего в прошлом высокой культурой, искать и найти пути духовного возрождения и развития, чтобы ни в чем они не уступали другим высокоразвитым нациям. Это главная идея Кандура и она утверждается во всех его произведениях – поэтических и прозаических.

Таким образом, творчество адыгского зарубежья на сегодняшний день является реальным ориентиром поиска «надландшафтного» единства структуры

духовного пространства этноса в контексте «национальной катастрофы» (по С. Сиюхову), советского, постсоветского и культуры зарубежья как периодов эволюции синкретизма «утопий» и «традиций» в художественном сознании адыгской картины мира. Как отмечено выше, в 60–70-е годы прошлого века литература адыгского зарубежья обретает новизну и жанровое разнообразие. Наблюдается постепенный отход от малых форм, от рассказов семейно-бытового характера и обращение к общенациональной, исторической тематике, отличавшейся разнообразием художественных приемов и беспристрастностью нового взгляда на исторический путь адыгского народа его будущее.

Список источников и литературы

- Апшацэ 2004 – *Апшацэ* З. Гибель Сосруко. Нальчик, 2004. 89 с.
- Балагова-Кандур 2007 – *Балагова-Кандур* Л. Х. Литературная диаспора адыгов. Проблемы духовной идентичности // Литературное зарубежье: Лица. Книги. Проблемы. Вып. IV. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 183–204.
- Бигуаа 2000 – *Бигуаа* В.А. Литература абхазской диаспоры в Турции. Творчество Омара Бейгуаа // Литературное зарубежье: проблемы национальной идентичности. М.: ИМЛИ РАН; «Наследие», 2000. Вып. 1. С. 140–163.
- Ганиев 2000 – *Ганиев* В.Х. Эмиграция – диаспора – писательские судьбы // Литературное зарубежье: Проблема национальной идентичности. Вып. I. М.: ИМЛИ РАН; «Наследие», 2000. С. 197–211.
- Ганиев 2000 – *Ганиев* В.Х. Две эмиграции Гаяза Исхаки // Литературное зарубежье: национальная литература – две или одна? // Вып. II. М.: Наследие, 2000. С. 225–246.
- Газета Труд 1993 – *Газета «Труд»*. 1993. 23 июня. С. 7.
- Записки... 1991 – *Записки* А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. М., 1991. С. 268–270.
- Кандур 2001 – *Кандур* М. Черкесы. Балканская история. Нальчик, 2001. С. 174.
- Кумык 1997 – *Кумык* М. О чем поет речка. Нальчик, 1997. 178 с.
- Культурная диаспора... 1993 – *Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения*. Черкесск, 1993. 530 с.
- Надъярных 1996 – *Надъярных* Н.С. Пространство диаспоры // *Нация личность. Литература*. М.: Наследие, 1996. Вып. 1. С. 33.
- Онер 1984 – *Онер* Ч. Написано на скалах. Стамбул, 1984. 160 с.
- Султанов 2000 – *Султанов* К.К. Идеал, опрокинутый в прошлое. Образ Кавказа в литературе северокавказской диаспоры // Литературное зарубежье: Лица. Книги. Проблемы. // Вып. III. М.: Наследие, ИМЛИ РАН, 2000. С. 63–85.
- Султанов 2002 – *Султанов* К.К. Человек под чужим небом (О романе М. Кандура «Балканская история») // Проблема литературного зарубежья: национальная литература – две или одна? // Лица. Книги. Проблемы. // Вып. II. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 182–189.

References

- APSHATSE Z. *The Death of Sosruko*. [Gibel' Sosruko] Nalchik, 2004. 89 p. (In Russian).
- BALAGOVA-KANDUR L.KH. *Literary Diaspora of the Adyghe People* [Literaturnaya diaspора adygov. Problemy dukhovnoy identichnosti] // *Literaturnoye zarubezh'ye*: Litsa. Knigi. Problemy. Vyp. V. Moskva, IMLI RAN. Issue IV. Moscow: IMLI RAS, 2007. Pp. 183–204. (In Russian)
- BIGUAA V.A. *Literatura abkhazskoy diasporы v Turtsii. Tvorchestvo Omara Beyguaa* [Literature of the Abkhaz Diaspora in Turkey. The Works of Omar Beyguaa] // *Literaturnoye zarubezh'ye*: Litsa. Knigi. Problemy. Vyp. V. Moskva: IMLI RAN, 2000. Issue 1. Pp. 140–163. (In Russian)
- GANIEV V.Kh. *Emigratsiya – diaspora – pisatel'skiye sud'by* [Emigration – Diaspora – Writers' Fates] // *Literaturnoye zarubezh'ye*: Litsa. Knigi. Problemy. Vyp. V. Moskva: IMLI RAN. Issue I. Moscow: IMLI RAS, "Nasledie". Pp. 197–211. (In Russian)
- GANIEV V.Kh. *Dve emigratsii Gayaza Iskhak* [Two Emigrations of Gayaz Iskhaki] // *Literaturnoye zarubezh'ye: natsional'naya literatura – dve ili odna*. Issue 1. Moscow: Nasledie, 2000. Pp. 225–246. (In Russian)

- Gazeta «Trud»* [Newspaper “Trud”]. 1993. June 23. (In Russian)
- KANDUR M. *Cherkesy. Balkanskaya istoriya* [Circassians. Balkan History]. Nalchik, 2001. P. 174.
- KUMYK M. *O chem poyet rechka* [What the river sings about]. Nalchik, 1997. 178 p. (In Russian)
- NADYARNYKH N.S. *Ideal, oprokinutyy v proshloye. Obraz Kavkaza v literature severo-kavkazskoy diaspory* [Diaspora Space] // *Literaturnoye zarubezh'ye: Litsa. Knigi. Problemy*. M.: Naslediye, IMLI RAN, 1996. Issue 1. P. 33. (In Russian)
- ONER CH. *Napisano na skalakh* [Written on the rocks]. Istanbul, 1984. 160 p. (In Russian)
- SULTANOV K.K. *Chelovek pod chuzhim nebom (O romane M. Kandura «Balkanskaya istoriya»)*. [An Ideal Overturned into the Past. The Image of the Caucasus in the Literature of the North Caucasian Diaspora] // *Problema literaturnogo zarubezh'ya: natsional'naya literatura – dve ili odna?* // *Litsa. Knigi. Problemy*. Issue 18. Moscow: Nasledie, IMLI RAS, 2000. Pp. 182–189. (In Russian)
- SULTANOV K.K. *Ideal, oprokinutyy v proshloye. Obraz Kavkaza v literature severo-kavkazskoy diaspory* [An Ideal Overturned into the Past. The Image of the Caucasus in the Literature of the North Caucasian Diaspora] // *Literaturnoye zarubezh'ye: Litsa. Knigi. Problemy* // *Vypusk ...*. M.: Naslediye, IMLI RAN, 2000. Pp. 63–85. (In Russian)

Сведения об авторах

Ю.М. Тхагазитов – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы;

Х.Т. Тимижев – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и фольклора народов Северного Кавказа;

Р.А. Керимова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы.

Information about the authors

Y.M. Thagazitov – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher of the Kabardian Literature Department;

Kh. T. Timizhev – Doctor of Science (Philology), Professor of the Department of Literature and Folklore of the Peoples of the North Caucasus;

R.A. Kerimova – PhD (in Philology), Senior Researcher at the Balkar Literature Department.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.10.2025; одобрена после рецензирования 20.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 16.10.2025; approved after reviewing 20.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.